

ИСТОРИЯ НАУКИ

ЭО, 2010 г., № 3

© Ю.Д. Анчабадзе

С.А. ТОКАРЕВ: НАЧАЛО ПУТИ

Ключевые слова: С.А. Токарев, биография, МГУ, Институт истории, Общество историков-марксистов, Комакадемия, Музей народов СССР, австраловедение, сибиреведение, религиоведение, этнография

Знание путей духовного и интеллектуального “взросления” исследователя – это важнейший ключ к пониманию его творчества в целом. Между тем даже в наиболее фундированных работах, посвященных Сергею Александровичу Токареву, именно начало творческого пути осталось наименее освещенным периодом его научной биографии (*Алексеев* 1985; *Козлов* 1999, 2004). В этом отношении весьма характерна замечательная книга “Благодарим судьбу за встречу с ним” (1995). Ее авторы – маститые ученые – вспоминают о своих встречах с С.А. Токаревым, совместной работе в Институте этнографии и на одноименной кафедре МГУ, участии в общих исследовательских проектах, характеризуют вклад Токарева в изучение конкретных проблем и направлений этнографической науки и др.

При этом авторы часто обращаются к эпизодам первых встреч с Сергеем Александровичем, к тому чарующему впечатлению, которое с начальных минут общения произвела на них – тогда совсем молодых людей – необыкновенно обаятельная личность собеседника. Естественно, в этих воспоминаниях С.А. Токарев предстает крупным ученым, мэтром, классиком этнографии, поражающим глубиной и широтой познаний, блеском энциклопедической эрудиции; в это время он уже заведует кафедрой и руководит отделом, возглавляет исследовательские коллективы, разрабатывает и ведет научные проекты, консультирует, рецензирует, выступает в качестве эксперта...

Вместе с тем С.А. Токарев сам когда-то был молодым – студентом, аспирантом, начинающим исследователем, делающим первые шаги на творческом пути. У него тоже были учителя и наставники, которым он обязан профессиональным становлением и ростом, личное общение с которыми на всю жизнь служили яркими воспоминаниями юности и молодых лет. Научные интересы и исследовательские предпочтения обычно формируются не сразу. Сергей Токарев также прошел сложный путь самоидентификации в науке, который для молодого исследователя порой бывает не менее мучителен и драматичен, чем терзания сложившегося ученого, остановившегося при разрешении трудной и запутанной проблемы. Вдобавок профессиональная и гражданская социализация С.А. Токарева пришлось на 1920–1930-е годы, которые оказались временем тяжелейших испытаний как для страны в целом, так и для каждого в отдельности. Эпоха диктовала стиль жизни и способы существования, но Токарев, от рождения принадлежа к еще сохранявшейся тончайшей прослойке русской интеллигенции, сохранил ее нравственные заветы, что даже в самые мрачные годы террора дало ему силы противостоять общественному аморализму сталинского социума.

Где же были истоки творческого пути? От какой даты или события его отсчитывать? Отвечая на соответствующий вопрос в одной из заполнявшихся им анкет, С.А. Токарев

указал 1925 г. (ГАРФ 1: 2), считая дату поступления в аспирантуру Института истории началом своей научной биографии. Однако формализм этой датировки становится очевидным, когда знакомишься с дипломной работой выпускника МГУ того же 1925 г. Токарева “Тотемическое общество”. Эта многостраничная рукопись (именно рукопись, написанная от руки) с развернутой характеристикой предмета исследования, обширной библиографией и аналитическими выводами представляет собой вполне зрелый труд, что позволяет отнести время начала научной деятельности С.А. Токарева к более раннему, еще студенческому времени.

В Московский университет С.А. Токарев поступал дважды и оба раза успешно. Первый раз это случилось в 1918 г., сразу по окончании с золотой медалью Тульской классической гимназии. Тем не менее продолжить учебу на историко-филологическом факультете не довелось. В 1918 г. в военно-коммунистической Москве было тяжело – голодно, холодно, страшно, а потому многие по возможности пытались покинуть город, скрывшись в провинции, где, как казалось (впрочем, обманчиво), было тише, спокойнее и представлялось возможным пережить революционную стихию. С.А. Токарев тоже не остался в Москве; как объяснял позднее, “по материальным условиям жить и учиться в Москве не мог” (АРАН 1: 31).

Он вернулся на родину, в Тульскую губ., став “шкрабом”, т.е. школьным работником – так называли на революционном новоязе учителей. Четыре года Сергей Александрович проработал в местных школах – в г. Алексине и в с. Стрельцы, где преподавал историю и языки – русский и латынь; последнее позволяла делать полученная в Тульской гимназии блестящая классическая языковая подготовка.

В 1922 г. С.А. Токарев вторично поступает в Московский университет. К этому времени это учебное заведение уже подверглось коренным большевистским преобразованиям. Историко-филологического факультета не было и в помине, а существовал ФОН (факультет общественных наук), куда на общественно-педагогическое отделение и попал Токарев. Материальное положение московского студента продолжало оставаться незавидным. Хотя первые два года С.А. Токарев получал так называемую “госстипендию”, тем не менее весьма пригодился педагогический опыт: он подрабатывал частными уроками, а с 1924 г. стал трудиться библиографом в Центральной библиотеке Губполитпросвета (до 15 марта 1926 г.).

В самом университете начались студенческие будни, которые приходилось делить между дисциплинами предметного минимума и семинариями, причем последние, требовавшие большей самостоятельности, углубленной индивидуальной работы, более всего привлекали Токарева. Во всяком случае, в одной из заполненных анкет, бесстрастно называя число прослушанных им дисциплин предметного минимума, он явно с удовольствием перечисляет семинарии, в которых довелось работать. Естественно, в семинарскую программу уже были введены предметы идеологического цикла. Так, на первом же курсе работал новоиспеченный семинарий по истории Октябрьской революции, который вел молодой и очень активный в те годы историк-марксист, ученик школы М.Н. Покровского С.А. Пионтковский, сгинувший впоследствии вместе с этой школой в ГУЛАГе; на старших курсах семинарий по домарксовому социализму вел будущий вице-президент АН СССР В.П. Волгин.

Наибольший интерес и внимание студента Токарева вызывали те дисциплины и семинарии, которые были связаны с историко-этнологическими проблемами, первобытной культурой, доклассовой формацией. Так, на третьем курсе семинарий по первобытной культуре вел П.Ф. Преображенский, ставший затем руководителем дипломной работы своего ученика, тема которой выкристаллизовалась на семинарских занятиях и в беседах. Большое значение для становления профессиональных навыков С.А. Токарева имел семинарий В.К. Никольского “Техника исторического исследования”.

Достаточно рано обозначившийся интерес к этнографии определил дальнейший жизненный путь. Завершив учебу, С.А. Токарев, в соответствии с принятым правилом,

подает 25 июня 1925 г. в исполнительное бюро профсекции МГУ прошение “командировать его в Научно-исследовательский институт истории (по секции этнологии) для продолжения научной работы”. Однако одного прошения было мало. Следовало представить рекомендацию какого-либо авторитетного лица – короткую, но весьма лестную для молодого выпускника рекомендацию дал В.П. Волгин. Кроме того, соискателю необходимо было подготовить вступительный реферат. С.А. Токарев решил эту проблему так же, как ее решают сегодняшние соискатели: в качестве вступительного реферата он представил свою дипломную работу “Тотемическое общество”. В отличие от большинства нынешних молодых исследователей С.А. Токарев представил значительно расширенный и переработанный вариант диплома, превратив его в полноценную научную работу.

По тогдашним правилам это был очень важный этап процедуры поступления в аспирантуру, так как именно по вступительному реферату судили о возможностях соискателя, и в случае, если реферат свидетельствовал о потенциальных талантах претендента, он мог быть освобожден от вступительного экзамена по специальности. Именно это и произошло с Токаревым. 24 ноября 1925 г. коллегия Института истории заслушала отзыв председателя экзаменационной комиссии по этнологии П.Ф. Преображенского о вступительном реферате Токарева и на основании этого отзыва ходатайствовала об освобождении претендента от испытаний по специальности (ГАРФ 2: 5). Учитель прекрасно знал потенциальные возможности ученика, поэтому счел излишней такую формальность, как вступительный экзамен по этнологии. Впрочем, это не освобождало от необходимости сдачи других экзаменов, что С.А. Токарев и проделал на общих основаниях.

Официально (“по приказу”) он был зачислен в аспирантуру Института истории РАНИИОН (Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук) с января 1926 г. В этом потоке в аспирантуру поступили еще 22 человека. Судьба их сложилась по-разному, но многие стали впоследствии видными учеными-историками. Соучениками С.А. Токарева оказались А.С. Бернштейн, И.И. Зельин, Л.В. Черепнин, В.Х. Стальной, В.И. Шунков и др. (ГАРФ 3: 90).

Начав занятия, молодые аспиранты, в соответствии с избранными специальностями, распределились между пятью секциями Института истории: русской истории, древней истории, средневековой истории, новой и новейшей истории, а также этнологии. Председателем последней секции был П.Ф. Преображенский, действительными членами состояли А.Н. Максимов и В.Н. Харузина; сотрудником первого разряда был Н.М. Попов; позднее сотрудниками секции этнологии стали М.О. Косвен и В.К. Никольский. С.А. Токарев и М.Т. Маркелов пополнили ее аспирантские ряды, где к тому времени уже обучались М.Д. Сигорский и А.С. Самойло.

Работа секции протекала в рамках двух подсекций – истории общественных форм и истории религии, исследовательская проблематика которых формировалась по предложениям П.Ф. Преображенского и в соответствии с его научными интересами. В данном случае интересы учителя и ученика полностью совпали, так как тема диссертационной работы С.А. Токарева – “Религия меланезийцев” органично вписываясь в последнее направление, отвечала его личным научным приоритетам – достаточно сказать, что в дальнейшем при всем разнообразии своих творческих интересов Токарев считал себя прежде всего историком религии.

Потекли аспирантские будни, которые оказались весьма суровы, поскольку в течение трехлетнего пребывания в институте аспиранту предстояло проработать восемь исследовательских тем. Шесть из них были связаны с исторической проблематикой, при этом три темы должны были соответствовать избранной специализации (у Токарева – этнологии, но лишь одна этнологическая тема могла основываться на диссертационном материале), три – другим разделам исторической науки. Кроме того, аспиранту следовало проработать еще две темы по новым, идеологизированным дисциплинам – политической экономии и историческому материализму.

Темы выполнялись частично в рамках секций, частично – действовавших в институте межсекционных семинариев. Тема считалась выполненной и засчитывалась аспиранту лишь после прочтения им научного доклада (интересно, что в институте приняли специальное решение, по которому доклад должен был длиться не меньше часа с четвертью). После того как докладчик замолчал, следовало очень активное и нелицеприятное обсуждение услышанного. Такая методика работы, безусловно, расширяла научный, исследовательский и методологический кругозор аспирантов, учила навыкам ведения публичных дискуссий, умению отстаивать собственную точку зрения.

Свои интересы С.А. Токарев распределил следующим образом. В семинарии по политической экономии (руководитель – В.Н. Позняков) он выбрал для изучения тему “Первоначальное накопление в Англии”. В секции исторического материализма (руководитель – А.Д. Удальцов) разрабатывал тему “Производительные силы и их развитие”.

Один из докладов на общеполитические темы С.А. Токарев готовил в семинарии Д.М. Петрушевского по средневековому поместному строю, выбрав для изучения проблему хозяйственного уклада в английском маноре XIII–XV вв. В итоговом докладе, который был зачитан 9 июля 1927 г., автор, основываясь на отчетной документации, происходившей из различных групп южноанглийских поместий-маноров, проследил динамику хозяйственных и товарно-денежных отношений в средневековой феодальной английской деревне. Анализ соответствующих тенденций привел докладчика к выводу, что Южную Англию в указанную эпоху можно разделить на два крупных района: в одном господствовали денежные отношения, в другом еще преобладало натуральное хозяйство. Доклад выходил за рамки рядового аспирантского сообщения, поэтому решением коллегии института текст был напечатан в виде статьи (Токарев 1928).

Этнографические темы выполнялись С.А. Токаревым в рамках исследовательских планов секции этнологии, а также в семинарии П.Ф. Преображенского, где рассматривались вопросы общественного и политического строя “малокультурных” народов, ранние формы религиозных верований и другие темы, связанные со спецификой “первичной формации”. В первый же год учебы запас университетских занятий австралийским тотемизмом дал возможность в рамках этой проблематики представить два доклада: на одном из заседаний секции этнологии (весной 1926 г.) С.А. Токарев сделал доклад “Тотемический комплекс в Австралии”, а в этнологическом семинарии представил фундированный “Критический обзор теорий тотемизма” (характерная деталь: последний доклад вместе с обсуждением занял четыре заседания). В следующем 1926/27 учебном году Токарев подготовил для семинария доклад “Религия меланезийцев”, а в секции этнологии им был прочитан доклад “Австралийские системы родства и вопрос о досемейном быте”, переработанный вариант которого вскоре опубликовали (Токарев 1929а). Меланезийская тематика была продолжена в 1927/28 учебном году: в секции этнологии Токарев выступил с докладом “Общественный строй меланезийцев” (ГАРФ 4: 46).

В 1929 г. Сергей Александрович завершил курс аспирантской подготовки (формально “по приказу” он считался окончившим институт с 1 января 1930 г.). Однако если в аспирантуру он поступал в Институт истории РАНИИОН, то завершил учебу в Институте истории Коммунистической Академии. 28 марта 1929 г. пленум Комитета по заведыванию учебными и учебными учреждениями Наркомпроса принял решение о реорганизации исторической секции Комакадемии, преобразовав ее в Институт истории. 12 апреля президиум ЦИК СССР утвердил это решение, равно как и М.Н. Покровского на посту директора новоявленного института. Отныне вся научно-исследовательская работа в области истории, а также подготовка аспирантов соответствующих специальностей сосредоточивалась исключительно в Институте истории Коммунистической

Академии. Этими же решениями Институт истории РАНИИОН ликвидировался (как, впрочем, и сама Ассоциация), состав научных сотрудников института распускался.

Формирование штатов новообразованного Института истории осуществлялось не механическим переводом “старых” “раниионовских” сотрудников, но обставлялось рядом условий. В частности, новый состав комплектовался “исключительно из числа коммунистов и марксистов” (подчеркнуто в документе. – Ю.А.). Приглашение научных работников-немарксистов было возможно “при условии поручения им какой-нибудь специальной научной работы, или руководства специальным аспирантским семинаром, предусмотренным учебным планом”. Аспиранты Института истории РАНИИОН переводятся в Институт истории Коммунистической Академии “после тщательной академической и идеологической проверки всего аспирантского состава Института истории и РАНИИОН. В Институт при КА переводятся аспиранты – коммунисты и марксисты. Группа аспирантов диссертантов выполняет все свои обязательства до 1 января 1930 г. и защищает диссертацию, проходя через квалификационную комиссию, составляемую коллегией Института истории при КА” (АРАН 2: 1, 3, 9).

Таким образом, несмотря на грозные и бескомпромиссные формулировки постановлений, некие послабляющие лазейки были оставлены, что дало возможность принять в институт беспартийных ученых, например П.Ф. Преображенского. Точно так же сотрудником стал беспартийный С.А. Токарев. Первое упоминание в документах о нем как о сотруднике нового Института истории обнаружено мной в документе (протокол коллегии института) от 26 октября 1929 г., в котором он поименован в составе секции социологии, где вместе с ним работали также П.И. Кушнер, В.П. Волгин, М.А. Гуковский, В.К. Никольский, Н.Н. Грацианский, Пригоровский, П.Ф. Преображенский, М.Т. Маркелов, В.С. Сергеев (АРАН 3: 62).

1 мая 1931 г. С.А. Токарев был отчислен из штатного состава института, хотя неформально сохранил с ним связь, будучи переведен на внештатную должность научного сотрудника. Трудно сказать, что оказалось основной причиной увольнения Токарева. Возможно, беспартийность, которая чем дальше, тем больше превращалась в серьезный “дефект” анкеты и непреодолимое препятствие для работы в таком идеологизированном учреждении, как Институт истории Коммунистической Академии. Помимо этого начальство с неудовольствием смотрело на совместительства сотрудников, а С.А. Токарев одновременно работал в Центральном музее народоведения (ЦМН). Оказавшись перед выбором, Сергей Александрович предпочел остаться в музее, покинув институт. Помимо того, что он, видимо, чувствовал шаткость своего положения в системе Комакадемии, я думаю, его не могло устраивать то направление исследовательской работы, которое стало культивироваться в Институте истории, который, по словам его нового директора, А.М. Лукина, “прежде всего ставил своей задачей концентрировать внимание на политически актуальной проблематике, отвечающей запросам социалистического строительства и задачам международной борьбы пролетариата” (АРАН 4: 17, 18 об.). С начала 1930-х годов этнографическая проблематика практически полностью была вытеснена из исследовательских планов института. В ЦМН она оставалась основным объектом научной работы.

Сотрудничество С.А. Токарева с Музеем народоведения началось еще в аспирантские годы. По учебной программе Института истории РАНИИОН аспиранты обычно командировались на производственную практику по специальности в вузы или научно-исследовательские учреждения. С 1 октября 1927 г. по май 1928 г. С.А. Токареву довелось быть практикантом в ЦМН. Работа ему поручалась интересная и весьма ответственная. Так, он занимался архивом по коллекциям Ф. Миллера, участвовал в резкспозиции коллекции по палеоазиатским народам, разбирал и атрибутировал африканские коллекции Чаброва, а также собрание Клемента, в котором находились вещи из Африки, Австралии и Океании.

Впечатление о себе Сергей Александрович оставил самое благоприятное. Характеризуя его, заведующий отделом Австралии и Океании Б.С. Жуков писал, что с работой молодой практикант справился “вполне успешно, выказав, кроме солидной научной эрудиции, серьезный интерес к музейной этнографической работе”. Подчеркивалось, что ЦМН “находит чрезвычайно желательным дальнейшее оставление тов. Токарева для работы в Музее” (АРАН 1: 14). Пожелание не осталось голословным. По завершении практики, в том же 1928 г., С.А. Токарев стал сотрудником отдела колоний, а в 1931 г. его назначили заведующим отделом Северной Азии. Начался период плодотворной и эффективной музееведческой и интенсивной научно-исследовательской работы. Однако в одночасье все обрушилось: в августе 1936 г. с “волчьим билетом” С.А. Токарев изгоняется из музея.

Нельзя не сказать о преподавательской работе, которая тоже началась в этот начальный этап профессиональной деятельности С.А. Токарева. В мае 1928 г. коллегией Института истории он в качестве ассистента был прикомандирован к П.Ф. Преображенскому и по его поручению руководил группой семинария по общей этнологии на втором курсе этнографического отделения этнологического факультета Первого МГУ. В 1928–1929 гг. С.А. Токарев преподавал в другом, весьма экзотическом учебном заведении – в Коммунистическом университете трудящихся Китая им. Сунь Ят-сена. Молодым китайским коммунистам беспартийный преподаватель Токарев с помощью синхронного переводчика читал курс истории развития общественных форм.

Научные исследования Токарева складывались в достаточно сложный предметно-тематический комплекс и прошли в своем развитии два этапа. На первом региональное направление этих исследований было связано прежде всего с австраловедением и океанистикой. Обратившись к соответствующим проблемам, как мы знаем, еще в своей дипломной работе, С.А. Токарев продолжил их исследования, выступив с серией статей, которые ныне хорошо известны специалистам по региону (*Токарев* 1929б, 1933). Давая общую характеристику этих работ С.А. Токарева, Н.А. Бутинов отметил, что “многие его выводы” пролагали “пути дальнейших плодотворных исследований для австраловедов и океанистов”. Они “выдержали проверку временем”, а “появившиеся за последующие более чем полвека данные... подтверждают правильность занятой им общетеоретической позиции” (Благодарим судьбу 1995: 132).

Вместе с тем на определенном этапе австраловедческие штудии были потеснены новым направлением регионалистских интересов, связанных с Сибирью и Якутией. Снижение интенсивности австраловедческих исследований Н.А. Бутинов считает вынужденным шагом. По его сведениям, С.А. Токарев был намерен и дальше заниматься австраловедением и океанистикой, однако “ситуация, сложившаяся в наших гуманитарных науках в 1930–1950-е годы, не способствовала развитию оригинальных концепций и трактовок” (Там же: 118).

Следует все же отметить, что австраловедение не было полностью вытеснено из сферы научных интересов С.А. Токарева. Он работал над темой и в 1940-е, и в 1950-е годы (*Токарев* 1947, 1949; *Бунак, Токарев* 1951), не оставляя эту проблематику и в дальнейшем. В то же время новые направления появились отнюдь не в начале 1930-х годов. Еще 3 апреля 1928 г. аспирант Токарев подает в дирекцию Института истории заявление, в котором просит существенно изменить свой учебный план. В частности, заявленную исследовательскую тему по историческому циклу – “Восстание в Иудее” он просит заменить на “Колонизацию Северо-Восточной Сибири”, а исследовательскую тему по этнографии – “Государственный строй полинезийцев” – на “Шаманизм народов Сибири” (АРАН 1: 21). Новый поворот в научных интересах молодого исследователя очевиден.

Причину этого я склонен видеть в изменившихся представлениях С.А. Токарева о возможностях этнографической деятельности, о специфике источникового наполнения своих научных изысканий. “Книжное” австраловедение, когда фактология добывалась

исключительно на страницах опубликованных сочинений, оказалось недостаточным для полноты авторского самоощущения. Пришло понимание, что профессиональное становление этнографа происходит прежде всего в поле, в экспедиции, в среде изучаемого народа – только тогда литературное знание, дополненное живым и непосредственным наблюдением над бытовой повседневностью социума, превращается в истинное понимание исследуемой проблемы.

Между тем в тот период среди этнографов серьезно обсуждался вопрос о значении полевых экспедиций. Начали раздаваться голоса об их ненужности, громоздкости, финансовой затратности, а главное – бесполезности. Предпочтение стало отдаваться социологическому анкетированию, формализованному опросу, анализу массового статистического материала и т.д. Экспедиционная проблема, в частности, серьезно дебатировалась на совещании этнографов Москвы и Ленинграда в апреле 1929 г. В итоговой резолюции прошла традиционная точка зрения, и 11 апреля 1929 г. С.А. Токарев с удовлетворением отметил это обстоятельство в своем дневнике: «они (ленинградцы. – Ю.А.) отыгрались на вопросе полевой работы, проведя почти целиком свои взгляды на исключительное значение стационарного метода исследования; их фронтовая атака встретила со стороны московских “экспедиционистов” лишь слабое и недружное сопротивление. Это понятно, ибо здесь их точка зрения, конечно, более правильная и, кроме того, за ними – героизм и пафос самоотверженной научно-культурной работы на местах, да и в общественно-политическом смысле их познания сейчас важнее и правильнее» (Благодарим судьбу: 162).

Сам С.А. Токарев провел немало времени в экспедиционных поездках. Его первый выезд состоялся в августе–сентябре 1928 г. в Туркмению. В составе экспедиции под руководством П.Ф. Преображенского он работал в Куны-Ургенском районе среди местных туркмен-иомудов. Трижды довелось побывать на Алтае. В 1930 г. он был там в экспедиции, направленной Институтом истории Коммунистической Академии. В сопроводительном документе задачи экспедиции определялись весьма широко, в частности целями объявлялось “изучение социального строя, хозяйства, материальной культуры и верований племен Алтая (Ойротии). Тов. Токареву предоставляется право производить фотографические снимки, зарисовки, чертежи, обмеры жилища и т.п.” (АРАН 1: 3). В 1932 г. Алтайская экспедиция была снаряжена Музеем народоведения (Токарев 1936). Незадолго до начала войны, в 1940 г., на Алтае удалось побывать еще раз (АИЭА: 18)

В 1934 г. состоявшаяся экспедиция в Якутию сыграла важную роль в научной биографии С.А. Токарева. “В 1934 г., – записывает он в дневнике, – для меня самым крупным делом была Якутская экспедиция, хотя и отнявшая 5 месяцев, но давшая много знаний по Якутии, архивный материал по ее истории” (Благодарим судьбу: 163). Исследовательские результаты экспедиции оказались весьма весомы: они воплотились в двух монографических работах (Токарев 1940а; 1945), 7 июля 1940 г. состоялась защита докторской диссертации “Общественный строй якутов”.

При этом предметно-тематическая широта его регионалистских исследований – австраловедческих и сибиреведческих – не смогла оттеснить на второй план основную научную проблему, к которой А.С. Токарев всегда испытывал обостренный исследовательский интерес. “Проблемы происхождения религии – это моя главная задача жизни”, – записал он в дневник в последний день уходящего 1934 г. (Благодарим судьбу 1995: 163), не подозревая сколь много “главных” исследовательских свершений еще ждет его на предстоящем творческом пути. Между тем первоначальные представления о проблеме кристаллизовались уже в этот период. Первый опыт интегрального обобщения темы относится к 1930 г., когда С.А. Токарев представил вузовскую программу “Происхождение религии и ее ранние формы”. Программу отрецензировал П.Ф. Преображенский, достаточно высоко оценив эту работу (АРАН 1: 7, 8). Приняв участие в написании ряда статей для этнографического блока первого издания Боль-

шой советской энциклопедии (БСЭ), С.А. Токарев стал автором таких опорных статей, как “Шаманство” и “Тотемизм”. Религиозная проблематика была основной задачей экспедиции в Шапсугию в 1939 г., во время которой С.А. Токарев собирал материал о специфике религиозного сознания у шапсугов – представителей небольшой изолированной группы адыгской этнической общности (Токарев 1940б).

К начальному же периоду относятся первые работы С.А. Токарева по историографии и истории науки, ставшие впоследствии важнейшими направлениями его исследовательской деятельности. Прекрасно зная зарубежную этнографическую литературу, а также важнейшие теоретические труды на основных европейских языках, С.А. Токарев на страницах той же БСЭ сумел создать точные и объемные характеристики многих видных представителей мировой этнологии. Так, его перу принадлежат персоналии Э. Вестемарка, Э. Гана, Ф. Гребнера, а также неподписанные статьи, посвященные Г. Бушану и Т. Вайцу.

С.А. Токарев проявлял немалый интерес к теоретическим и методологическим проблемам этнографии, а потому был активным участником многочисленных дискуссий, происходивших в тот период в среде советских обществоведов. Следует отметить, что дискуссии, диспуты, публичные обсуждения являлись весьма распространенной формой научной активности в 1920–1930-е годы. Застрельщиками, как правило, выступала молодежь, члены Общества историков-марксистов (ОИМ), выходцы из круга Коммунистической Академии и школы М.Н. Покровского, которые постоянно инициировали или ввязывались в дискуссии, часто придавая им политический и идеологический оттенок, стараясь тем самым актуализировать предмет обсуждения. Молодомарксисты чрезвычайно любили также сосредоточиваться на критике так называемой буржуазной науки и ее представителей как за рубежом, так и на тех, кто имел несчастье оставаться на территории СССР. При этом чем яростнее оказывалась дискуссия и зубодробительней – критика, тем более удавшимся считалось мероприятие.

Именно такими громкими и “удачными” мероприятиями были дискуссии, посвященные этнологии, которые прошли в Москве и Ленинграде в конце 1920-х – начале 1930-х годов. Одна из таких дискуссий – “Марксизм и этнология” – состоялась 7 мая 1928 г. в Обществе историков-марксистов. В тот период этнологическая наука имела яростного противника в лице В. Б. Аптекаря, который и выступил с основным докладом на открытии дискуссии.

В основном взгляды Аптекаря сводились к тому, что этнология не имеет своего объекта и метода исследования, а потому не является наукой (в этой связи он выражал крайнее удивление и глубокое недовольство тем, что в МГУ существует этнологическое отделение). Терминологический аппарат этнологии и прежде всего главные понятия “этнос” и “культура” крайне расплывчаты и неопределенны. Делая культуру главным объектом своего изучения, этнологи наделяют ее неким тотальным, “надприродным”, самодовлеющим смыслом и значением, рассматривая историю человечества исключительно как развитие культурных форм и явлений (“чистый идеализм”, “культурный фетишизм”, – припечатывал В.Б. Аптекарь). Таким образом, этнологи отрывают историю от ее основной движущей силы – производительных сил и производственных отношений в их революционных переворотах, затушевывают, смазывают, отрицают роль в историческом процессе классовой борьбы.

Вредность и опасность этнологии еще и в том, что она пытается подменить и вытеснить историю и социологию, превратив себя в некую супернауку. Этнология, по мысли Аптекаря, это “суррогат буржуазного обществоведения, который паразитирует на теле марксисткой социологии и истории”. “Тупики” этнологии могут быть изжиты только тогда, когда “в т.н. этнологическом исследовании все внимание будет обращено на правильное использование диалектического материализма”. Но дело в том, что при первом же соприкосновении с марксизмом все этнологические построения рассыпаются в прах, этнология “марксизмом уничтожается как наука”. Основной вывод В.А. Ап-

текаря сводился к тому, что этнология – наука не марксистская и антимарксистская (“или марксизм, или этнология”, – восклицал докладчик), а ее адепты – “буржуазные по своей классовой идеологии ученые”, а потому люди чуждые и посторонние для советской науки (АРАН 5: 1, 2; АРАН 6: 2–23).

У В.Б. Аптекаря, естественно, оказалось немало сторонников. С.А. Токарев не принадлежал к их числу. Присутствуя на дискуссии (он был членом ОИМ) и взяв слово, Сергей Александрович не изменил ни своей интеллигентности, ни профессиональной честности. Трудно сказать, была ли очевидной для него вся мера политиканства и демагогии Аптекаря, но, возражая докладчику, С.А. Токарев пытался понять и его аргументы, стремился найти в них рациональное зерно и объективные основания, чтобы спор и дискуссия проходили в предметных рамках. В чем-то С.А. Токарев соглашался с В.Б. Аптекарем, подтверждая, что, дескать, у Валериана Борисовича есть некоторые основания для столь жестких констатаций. На первый взгляд у этнологии, действительно, проблемы с определением предмета исследования. Прежде всего этнология занимается “малокультурными народами, народами, не прошедшими стадии феодализма, не создавшими в настоящее время крупных государственных объединений”. В то же время этнология “занимается и народами капиталистического типа, дошедшими до капиталистической стадии, – русскими, немцами, французами”. Таким образом, четких границ, действительно, нет, они могут расширяться, либо сужаться, но та же ситуация, парирует С.А. Токарев, и с историей, где “на практике” существуют деления на историю древнего мира, историю античности, средневековья, но “принципиально они не логичны”, потому что границы этих понятий также пересекаются.

Поэтому С.А. Токарев призвал не формализовать определения, термины, границы и т.д., а сосредоточиться на конкретной предметно-тематической сфере исследований, которая у этнологии направлена на “частный быт, народное искусство, народную культуру, народное творчество, обрядность и т.д.”, а также на комплексное изучение бесписьменных народов (австралийцев, меланезийцев, полинезийцев), до которых историкам дела нет – нет письменных источников, нет нарратива, следовательно, нет истории. С.А. Токарев отрицал предьявляемое этнологии обвинение в агрессивном стремлении захватить несвойственные ей предметные области, подмять под себя историю и т.д., ибо этнология имеет вполне понятный и внятный угол зрения – историческую и современную действительность. С этой точки зрения С.А. Токарев защищал понятие “культура” в качестве важного концепта этнологического исследования, ибо “объекты культуры материальные и духовные для этнографов и этнологов являются тем же, что для историка являются памятники”.

Обратившись к методологии, С.А. Токарев также готов был согласиться с В.Б. Аптекарем, потому что здесь у этнологии беда и прежде всего от обилия различных методов. “Тов. Аптекар, – поддел Сергей Александрович Валериана Борисовича, – как-то все их слил – как бы в одно”. Показав, что в этнологических исследованиях используются самые разные методологические приемы, С.А. Токарев подтвердил, что это не очень хорошо. Более того, он заявил, что “совершенно согласен с тов. Аптекарем, что только марксизм может здесь дать тот метод, который избавит этнологию от этого методологического разнобоя”.

Но внимание: несколькими строчками ниже по тексту стенограммы, т.е. несколькими минутами позже, во время вступления Сергей Александрович произнес что-то совершенно несусветное, особенно в стенах Общества историков-марксистов, где происходила дискуссия. Как мы видели, он соглашался с необходимостью внесения марксизма в этнологию, однако не был склонен абсолютизировать его методологические возможности, так как “предметы материальной культуры в их взаимном родстве, в родстве форм, в родстве типов, различных типов, можно изучать и не пользуясь никаким марксистским методом” (АРАН 6: 26–32). Определенно, что даже для относительно вегетарианского 1928 г. это заявление звучало более чем сомнительно. Если

на С.А. Токарева заводилось дело в НКВД, то эти слова, безусловно, там были зафиксированы.

При этом С.А. Токарев отнюдь не относился к числу принципиальных и идейных противников марксизма. Наоборот, он интересовался марксизмом, в котором ему многое импонировало, в частности, новации, внесенные марксистской методологией в теорию познания – конкретность постановки задач, внимание к хозяйственной составляющей социального процесса, требование рациональных, объективистских объяснений действительности. В своих дневниковых записях С.А. Токарев искренно считает себя приближающимся к марксизму. Ему казалось, что он схватывает суть этого метода (Благодарим судьбу 1995: 161). Другое дело, что как широко мыслящий ученый он не догматизировал никакую методологию, допуская плюрализм подходов к познанию явлений действительности.

Тем временем дискуссия в ОИМ только подзадорила младомарксистов и их главного теоретика В.Б. Аптекаря, который не убоился выступить практически с теми же идеями на совещании этнографов Москвы и Ленинграда, состоявшемся в апреле следующего, 1929 г., в Ленинграде, т.е. перед учеными, дисциплину которых он хотел уничтожить (Совещание 1929: 115, 116). Но здесь у В.Б. Аптекаря оказался весьма серьезный противник в лице П.Ф. Преображенского.

По существу их противостояние было главным событием совещания. Формально проиграл П.Ф. Преображенский, потому что принятая резолюция следовала аптекарским тезисам – от этнографии требовали немедленно перейти на марксистские рельсы, исследования вести только в рамках изучения социально-экономических формаций, основной функцией считать прежде всего участие в социалистическом и культурном строительстве. Но П.Ф. Преображенский оказался единственным участником совещания, который посмел открыто высказать несогласие с итоговой резолюцией и потребовал, чтобы его особое мнение было зафиксировано в решениях съезда, что и было сделано (Там же: 118). А это была личная победа – и ученого, и человека.

Но дискуссия на этом не закончилась. В.Б. Аптекарь уже взял след, тем более что возник такой серьезный противник, как П.Ф. Преображенский, который к тому же дал новый повод к атаке. В 1929 г. была опубликована его книга “Введение в этнологию”, в которой, по мысли В.Б. Аптекаря, он полностью разоблачил себя как буржуазный ученый, дурманящий головы советскому студенчеству, ибо “Введение” сразу же стало играть роль университетского учебника по этнологии – единственного в то время.

Вторая атака на Преображенского состоялась 12 июня 1930 г. опять-таки на заседании ОИМ. Будучи членом общества, С.А. Токарев должен был присутствовать на заседании, а являясь этнографом, обязан был принять участие в дискуссии. При этом этическая сложность заключалась в том, что П.Ф. Преображенский был учителем С.А. Токарева. И хотя в тот период практика, когда ученики поносили, поучали, разоблачали, критиковали и т.д. своих учителей, уже становилась нормой общественной активности, для С.А. Токарева такой стиль поведения был, безусловно, неприемлем, независимо от его реального отношения к тому же П.Ф. Преображенскому.

А отношения были сложными. П.Ф. Преображенский являлся крупным ученым, блестящим эрудитом, мастером стилистически отточенного письма, великолепным преподавателем-лектором. Однако в своей исследовательской работе он несколько разбрасывался, отвлекаясь на самые разные области гуманитарного знания. Проглядев список его опубликованных работ, можно обнаружить опусы по истории раннего христианства, дипломатической истории Антанты, международным отношениям XIX в., особенностям мирового империализма; большой блок исследований связан с этнографическими проблемами, воплотившимися во “Введении в этнологию”; он отдал также дань своей увлеченности историко-культурологическими, философскими, литературоведческими проблемами и др. Глубина исторической и общекультурной подготовки, яркие природные дарования, исследовательский талант и несомненные

литературные способности в любом случае обеспечили его публикациям достойное место в отечественной историографии. Вместе с тем для вдумчивого аналитика была заметна проскальзывавшая порой легковесность, а также недоработанность, зыбкость его исследовательских материалов. Это свое впечатление С.А. Токарев отразил в записи дневника от 4 февраля 1926 г.: “П.Ф. (Преображенский. – Ю.А.) начинает казаться мне порядочным эклектиком, и довольно поверхностным” (Благодарим судьбу 1995: 159, 160).

Между учителем и учеником возникли и научные разногласия. В рецензии, которую С.А. Токарев написал на выпуск “Трудов этнографо-археологического музея 1-го МГУ”, самые разящие критические стрелы были направлены именно на помещенную там статью П.Ф. Преображенского “К вопросу о природе брачно-групповых отношений в Австралии” (Токарев 1927).

Но это были научные споры, не выходявшие за академические рамки. На дворе же утверждались другая эпоха и другая мораль. Отныне научные возражения перемежались политическими обвинениями и суть “научной” критики состояла в том, чтобы выискать у оппонента политические ошибки, а то и тщательно продуманную диверсию, вражескую вылазку и т.д. Именно по этому пути пошло обсуждение книги П.Ф. Преображенского, которую выступивший с установочным докладом В.Б. Аптекарь назвал “немарксистской”. Почти все последующие ораторы не сходили с этой колеи, предъявляя автору обвинения в отсутствии формационного подхода, в игнорировании Ф. Энгельса, который к тому времени успел превратиться в непререкаемого авторитета этнологической науки, в неверной трактовке первичной формации и т.д.

Среди этого шабаша С.А. Токарев оставался едва ли не единственным, кто пытался превратить собрание из политического судилища в научную дискуссию. Он тоже критикует книгу. Но то, что у младомарксистов вызывает гнев и ярость, для С.А. Токарева несущественно. “Не в том дело, – пытается он вразумить младомарксистов – что [Преображенский] неуважительно сказал об Энгельсе, или что он по части первобытного коммунизма занимает двусмысленную позицию. Это отдельные факты, по которым мы имеем различные мнения” (АРАН 7: 69). Фраза весьма примечательная: Энгельс высказался, но для Токарева, оказывается, существуют и другие мнения и авторитеты.

В чем же, по Токареву, недостаток книги? В том, что у нее неудачная структура. “Основной недостаток этой книги и недостаток органический состоит в том, что эта книга представляет из себя не монистическое построение определенной науки..., но перечисление в порядке университетского курса определенного круга проблем” (Там же: 71). Мы вновь видим попытку С.А. Токарева перевести разговор на суть вопроса, на научную проблематику книги, на ее соответствие заявленным авторским целям и т.д.

Дальше – больше. Завершая свое выступление, С.А. Токарев заявил: “эта книга представляет значительную ценность в том отношении, что при теперешнем состоянии науки, пока марксистской методологии нет, – это все то, что можно было дать в рамках университетского курса”. Большой поддержки избиваемому автору в тех обстоятельствах оказать было нельзя, так что неудивительно, что эти слова крайне раздражили младомарксистов. Далее стенограмма зафиксировала резкую отповедь, которую Аптекарь дал “примиренческой” позиции Сергея Александровича. Возможно, о примиренчестве С.А. Токарева стало известно и компетентным органам.

Последнее, впрочем, не более чем предположение. Но об инциденте, имевшем место в Музее народов СССР 20 августа 1936 г., главным фигурантом которого оказался С.А. Токарев, органам НКВД стало известно доподлинно. В тот злополучный день в музее состоялся митинг сотрудников, посвященный обсуждению опубликованного за день до этого обвинительного заключения по делу Антисоветского объединенного троцкистско-зиновьевского центра. Это было обычное ритуальное действо, которое

в те дни совершалось по всей стране, когда на общих собраниях трудящихся под аккомпанемент проклятий в адрес несчастных подсудимых принимались кровожадные заявления с требованиями расстрельных приговоров. Точно такое же мероприятие должно было пройти в Музее народов СССР, на котором был подряжен выступить С.А. Токарев. Он сделал это, однако его слова не удовлетворили музейное начальство, которое сочло выступление контрреволюционным.

Действительно, для всех охотников искать в словах ближнего вторые и третьи подтексты, а таких в сталинские времена было предостаточно, в этом выступлении было немало крамолы. Например, повторяя расхожие пропагандистские клише, С.А. Токарев произвольно их соподчиняет, что принимает явно крамольный оттенок. “Эти предатели, говорит он, – хотели не только убить тов. Сталина и руководство, но и толкали страну в войну, имели связь с Германией” (ГАРФ 6: 2). То есть убийство Сталина – меньшая беда, чем возможная война, в которую мог быть ввергнут советский народ. Между тем к 1936 г. вождь уже превратился в полубога, поэтому такое “ранжирование” возможных несчастий для страны и народа вполне могло сойти за “вражескую вылазку”.

Бдительных сотрудников музея еще больше возмутила фраза С.А. Токарева о том, что подсудимые, обвиняемые в убийствах и иных преступлениях перед партией, – это люди, “начинавшие когда-то с идейных, теоретических разногласий”. Между тем, согласно одному из самых распространенных и официально утвержденных определений это была “безыдейная банда шпионов и убийц”. Тем самым подсудимым отказывали в наличии хоть какой-нибудь идеологии или программы – ни тогда, когда они предстали перед сталинским правосудием, ни раньше, когда их единственной целью, по словам прессы, была подлая, уголовная борьба с Лениным и ленинским ЦК, а затем с тов. Сталиным как верным продолжателем дела революции.

Самая грубая политическая ошибка была допущена Токаревым в его рассуждениях о том, что в случае, если троцкистско-зиновьевцы пришли бы к власти, то они продолжили бы политическую и практическую линию ЦК. Нападки на Токарева начались уже на этом же собрании. Более изощренные в словоблудии коллеги сразу же использовали слабые места в выступлении Токарева и начали навешивать ярлыки.

В дальнейшем события разворачивались стремительно. Уже на следующий день, 21 августа, С.А. Токарев был вызван в партком музея. Здесь состоялась беседа вполне понятного содержания, при этом от Сергея Александровича требовали, вероятно, признать свои ошибки. Однако С.А. Токарев ошибок не признал. Более того, он пытался доказать объективные основания своих высказываний. В частности, касаясь того, что зиновьевцы продолжили бы политику сталинского ЦК, Токарев пытался объяснить, что в противном случае они не удержались бы у власти. Партком посчитал, и это было сообщено в отчете, который был направлен начальнику специального отдела НКВД Москвы, а в копиях – Секретной части ученого комитета ЦИК СССР и Секретной части Ленинского райкома ВКП(б), что Токарев “не только не признавал свою контрреволюционную ошибку, но он углубил ее, говоря, что если бы троцкистско-зиновьевская контрреволюционная банда пришла бы к власти, то она могла бы продолжить ту политику, что и ЦК партии”. Эту контрреволюционную установку, по мнению парткома, он упорно защищал (ГАРФ 6: 1). В тот же день “треугольник” музея постановил снять Токарева с занимаемой должности.

22 августа состоялось общее собрание сотрудников, на повестке дня которого было обсуждение контрреволюционного выступления Токарева. Читать стенограмму собрания тяжело и больно. Сергей Александрович и здесь пытался как-то рационализировать ситуацию, перевести разговор из сферы ритуальных заклинаний во внятно понимаемую плоскость. Он призывал товарищей не вырывать отдельные мысли из общей канвы выступления, но в ответ слышал зловещее: “Признаёте ли вы, что ваше выступление контрреволюционное?”

С.А. Токарев пытается объяснить, что произнесенные им слова – неудачные, нелепые, и ни в коей мере не отражают некоей системы взглядов, в чем его обвиняют выступающие. Но не это хотят услышать его коллеги: “Как расцениваете вы свое выступление?” – снова раздается настойчивый вопрос. Сергей Александрович пытается объяснить, что “оценить выступление одно дело, другое дело оценить его сущность”. Он обращается к коллективу, напоминая известную фразу, некогда брошенную вождем: “При оценке человека надо чутко к нему подойти... Коллектив должен поддерживать, а не подталкивать человека подскользнувшегося”. Но коллектив прекрасно знает меру искренности Генерального секретаря, а потому снова и снова: “Вас спрашивают, как расцениваете вы свое выступление. Считаете ли вы его контрреволюционным или нет?”.

И, наконец, крик отчаяния. “Я получил очень тяжелое обвинение и не могу оставить его без ответа, – говорил Сергей Александрович, – но мне не дают возможности признать мою ошибку – мне не верят. Я не буду отвечать новым сотрудникам... которые меня не знают, буду обращаться только к тем, кто меня знает”. Но один из тех, кто его знал, грозно вопрошает: “Я хотел бы все-таки получить от вас четкий ответ – согласны ли вы с предъявленным вам обвинением и как квалифицируете вы свое выступление?”.

Последние слова, произнесенные на том собрании Сергеем Александровичем, по крайней мере, как их зафиксировала стенограмма, были такие: “Я согласен, что выступление мое контрреволюционное, но это не система моих взглядов, не сущность их” (Там же: 4 об.). Но мог бы этого и не говорить, потому что собравшихся такая формулировка не удовлетворила. В решении было указано, что собрание коллектива Музея народов СССР “с глубоким возмущением констатирует контрреволюционный характер выступления Токарева, не может допустить ни один час пребывания Токарева среди научных работников Музея и целиком одобряет решение треугольника о снятии с работы в Музее Токарева с 21/VIII-36 г.” (Там же: 6).

По счастью, дело ограничилось только увольнением. В НКВД не дали делу ход, свобода и главное – жизнь Сергея Александровича были сохранены, хотя в такой ситуации он мог лишиться и того и другого.

После увольнения из Музея народов СССР единственным местом службы С.А. Токарева осталось Московское отделение Государственной академии истории материальной культуры, где он начал работать со времени организации отделения в 1932 г. в должности научного сотрудника сектора феодализма (впоследствии – восточного феодализма). В октябре 1938 г. С.А. Токарев возвращается к музейной работе. Он становится этнографом-консультантом, а затем научным сотрудником (до 1941 г.) Центрального Антирелигиозного музея. Этот период его биографии освещен в работе И.В. Тарасовой (Благодарим судьбу 1995: 151–154).

В 1939 г. возобновилась преподавательская деятельность С.А. Токарева. Он был зачислен профессором на вновь организованную кафедру этнографии исторического факультета МГУ. Одновременно в 1939–1941 гг. в должности профессора читал лекции по этнографии в Московском институте истории, философии и литературы.

С началом Великой Отечественной войны С.А. Токарев выехал в эвакуацию в Абакан, где начал заведывать кафедрой истории в местном педагогическом институте. В 1943 г. он вернулся в Москву, став сотрудником Института этнографии АН СССР. Как и начало творческого пути, который обрисован нами лишь в самых общих чертах, этот новый, главный период научной деятельности С.А. Токарева нуждается в глубоком и всестороннем исследовательском анализе.

Источники и литература

АИЭА – Архив Института этнологии и антропологии РАН. Личное дело С.А. Токарева. Алексеев 1985 – Алексеев В.П. Памяти Сергея Александровича Токарева // Сов. этнография (далее – СЭ). 1985. № 4. С. 168–172.

- АРАН 1 – Архив Российской Академии наук (далее – Архив РАН). Ф. 359. Оп. 3. Д. 66.
АРАН 2 – Архив РАН. Ф. 359. Оп. 1. Д. 2.
АРАН 3 – Архив РАН. Ф. 359. Оп. 1. Д. 7.
АРАН 4 – Архив РАН. Ф. 305. Оп. 1. Д. 902.
АРАН 5 – Архив РАН. Ф. 377. Оп. 1. Д. 451.
АРАН 6 – Архив РАН. Ф. 377. Оп. 2. Д. 115.
АРАН 7 – Архив РАН. Ф. 377. Оп. 2. Д. 42.
- Благодарим судьбу 1995 – Благодарим судьбу за встречу с ним. О Сергее Александровиче Токареве – ученом и человеке / Отв. ред. и сост. С.Я. Козлов, П.И. Пучков. М., 1995.
- Бунак, Токарев 1951 – Бунак В.В., Токарев С.А. Проблемы заселения Австралии и Океании // Происхождение человека и древнее расселение человечества. М., 1951. С. 497–522.
- ГАРФ 1 – Государственный архив РФ. Ф. 7668. Оп. 1. Д. 3021.
ГАРФ 2 – Государственный архив РФ. Ф. 4655. Оп. 1. Д. 161.
ГАРФ 3 – Государственный архив РФ. Ф. 4655. Оп. 1. Д. 38.
ГАРФ 4 – Государственный архив РФ. Ф. 4655. Оп. 1. Д. 153.
ГАРФ 5 – Государственный архив РФ. Ф. 4655. Оп. 2. Д. 48.
ГАРФ 6 – Государственный архив РФ. Ф. 7688. Оп. 3. Д. 35.
- Козлов 1999 – Козлов С.Я. ...И дольше века длится день // ЭО. 1999. № 5. С. 3–15.
- Козлов 2004 – Козлов С.Я. Сергей Александрович Токарев: “этнографический университет” // Выдающиеся отечественные этнологи и антропологи XX века. М., 2004. С. 397–449.
- Совещание 1929 – Совещание этнографов Ленинграда и Москвы (5/IV–11/IV 1929 г.) // Этнография. 1929. № 2. С. 97–112.
- Токарев 1927 – Токарев С.А. [Рец. на:] Труды этнографо-археологического музея 1-го МГУ / Под ред. проф. А.И. Некрасова. М., 1927 // Этнография. 1927. № 1. С. 251–253.
- Токарев 1928 – Токарев С.А. Торговля английского манора в XIII – 1-й половине XV в. (по приказчиным отчетам) // Уч. зап. Ин-та истории РАН ИОН. Т. 7. М., 1928. С. 36–79.
- Токарев 1929а – Токарев С.А. О системах родства австралийцев // Этнография. 1929. № 1. С. 23–53.
- Токарев 1929б – Токарев С.А. Общественный строй меланезийцев // Этнография. 1929. № 2. С. 3–46.
- Токарев 1933 – Токарев С.А. Родовой строй в Меланезии // Этнография. 1933. № 3/4. С. 28–88; № 5/6. С. 14–48.
- Токарев 1936 – Токарев С.А. Докапиталистические пережитки в Ойротии. М.; Л., 1936.
- Токарев 1940а – Токарев С.А. Очерк истории якутского народа. М., 1940.
- Токарев 1940б – Религиозные пережитки среди черкесов-шапсугов и их преодоление // Религиозные пережитки у черкесов-шапсугов: Магер. шапсугской экспедиции 1939 года / Под ред. С.А. Токарева и Е.М. Шиллинга. М., 1940. С. 3–10.
- Токарев 1945 – Токарев С.А. Общественный строй якутов XVII–XVIII вв. Якутск, 1945.
- Токарев 1947 – Токарев С.А. Новые материалы по австралийской этнографии // СЭ. 1947. № VI–VIII. С. 191.
- Токарев 1949 – Токарев С.А. Проблемы изучения современного положения народов Австралии и Океании // Кр. сообщ. Ин-та этнографии. 1949. Т. VII. С. 15–29.

Y.D. Anchabadze. S.A. Tokarev: The Beginning of the Career

Keywords: S.A. Tokarev, biography, Moscow State University, Institute of History, Society of Marxist Historians, Communist Academy, Museum of Peoples of the USSR, Australian Studies, Siberian Studies, religious studies, ethnography

The article discusses the early stages of the scholarly career of S.A. Tokarev (1899–1984), renowned Russian/Soviet ethnographer. The process of the scholar’s becoming is traced through his years of studying at Moscow University, post-graduate studies at the RANION Institute of History, and work at the Communist Academy’s Institute of History and at the Museum of Peoples of the USSR. It is during this period that Tokarev’s main scholarly interests form (Australian and Siberian studies, history of religion, and history of ethnography).